

Сулейманова Ольга Аркадьевна

Московский городской педагогический университет,
Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
SouleimanovaOA@mgrpu.ru

Когнитивный сценарий реализации категории определенности в практике использования английского артикля

Для цитирования: Сулейманова О. А. Когнитивный сценарий реализации категории определенности в практике использования английского артикля. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023, 20 (2): 334–347. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.208>

В статье рассматриваются артиклевые актуализаторы как системное выражение категории определенности/неопределенности и выявляются когнитивные принципы, определяющие их использование. Методология исследования опирается на аппарат теории классов, который позволяет уточнить интерпретацию неопределенного артикля и порядка следования определений в атрибутивных словосочетаниях; а также на теорию фреймов, в терминах которой представлен определенный артикль. Фрейм трактуется в терминах «неслучайной связи», наличие которой также релевантно для описания метонимических переносов. Определенность интерпретируется автором как выделенность объекта из класса и приписание ему уникальных в данной ситуации признаков, что достигается специальными языковыми средствами в том числе через выстраивание фрейма, в рамках которого обязательные, неслучайные для него элементы, представленные единичными объектами, получают статус определенных. Фрейм задается экспликацией «триггера» — обозначения фрейма, а также имплицитно более широким контекстом, на основе разделяемого участниками коммуникации знания, обозначения которых без предупоминания или иных способов выделения получают референцию с помощью определенной дескрипции. Неопределенный артикль идентифицирует объект до уровня члена класса, не приписывая ему индивидуализирующих свойств. В статье постулируется связь когнитивных механизмов метонимии и категории определенности, в основу которой автор встраивает принцип неслучайной связи, а также вводится экспланаторный потенциал теории классов как для интерпретации неопределенной дескрипции, так и для определения порядка следования элементов атрибутивной группы. Разрабатываемая интерпретация значения категории определенности/неопределенности верифицируется на примере анализа фрагментов текста в терминах и положениях данной интерпретации; в перспективе может быть приложима к описанию иных артиклевых языков.

Ключевые слова: категория определенности/неопределенности, артикль, принцип неслучайной связи, фрейм, триггер.

Введение

Одной из ключевых когнитивных категорий, определяющих успешное социальное взаимодействие индивида в социуме, безусловно, является категория определенности/неопределенности, позволяющая ему свободно ориентироваться в мире

вещей, событий и отношений. Как одна из базовых категорий, предназначенных для включения индивида в пространство существования, данная категория неизменно привлекает внимание логиков, философов и лингвистов и, соответственно, получает различные определения, высвечивающие аспекты данной категории. Она системно представлена в ряде языков специальным языковым элементом, предназначенным для решения именно этой задачи, — артиклем, но получает выражение и в безартиклевых языках — главным образом через класс местоимений и прочих детерминативов-актуализаторов, решающих сходные задачи: ср., например, слова *весь* и *целый*, выступающие эквивалентами определенного и неопределенного артикля соответственно [Сулейманова 1985], или см. красноречиво названную статью Р.Ф. Касаткиной «Русский язык ищет артикль», опубликованную в «Вопросах языкознания» в 2012 г. и посвященную «апробации разных лексических и просодических средств для выражения категории определенности/неопределенности» [Касаткина 2012: 3]. Артикль как инструмент системного отражения реальной действительности и ориентации индивида в этой действительности, наряду с всепроникающей функциональной перспективой высказывания, неизменно находится в области интересов лингвистики. Особую актуальность изучение принципов, которыми руководствуется говорящий при выборе определенной или неопределенной дескрипции, приобретает для формирования языковой компетенции у носителей безартиклевых языков, в которых не получает системного специального выражения категория определенности/неопределенности. (В данной статье рассматривается английский артикль, однако есть основания полагать, что описываемые закономерности, по крайней мере часть из них, работают и на материале иных артиклевых языков.) Отметим при этом, что в отечественном академическом пространстве интерес к английскому артиклю постепенно смещается в сторону практически и дидактически ориентированных описаний при ослаблении внимания к его теоретической интерпретации. Об этом может свидетельствовать, например, отсутствие соответствующих диссертационных исследований в отечественной лингвистике за 2017–2022 гг. по трем специальностям — германские языки, теория языка и сопоставительное языкознание. Исключение составляет единственная диссертация, посвященная анализу структур «неопределенный артикль + существительное» в составе непрямой анафорической референции в англоязычном дискурсе (на материале художественной литературы и лингвистической литературы) [Макарова 2022]. Это не означает, однако, что все проблемы, связанные с исследованием артикля и в целом категории определенности, решены, что и определяет **актуальность** настоящего исследования. Во-первых, у исследователей по-прежнему вызывает интерес проблема определения значения определенного артикля, например, предлагается интерпретация его использования на основе семантических признаков предупомянутости и известности объекта [Crystal 2010; Будовская 2009; Долгина 2008; 2018; Филиппова 2018], выделенности [ЛЭС] в противопоставлении неопределенному артиклю по данному признаку, т. е. невыделенности [ЛЭС], первому упоминанию артикля. Отметим вместе с тем, что «в таком случае не выстраивается закономерность для ситуации, например, когда через неопределенный артикль характеризуется хорошо известный говорящему объект — моя старшая сестра Наташа (*she is a very nice girl*). Более того, употребление артикля часто описывается как совокупность разнообразных условий, слабо сводимых к некоторому

общему принципу» [Сулейманова, Яременко 2020: 325]. Во-вторых, наблюдается всплеск интереса к данной категории и средствам ее выражения на материале других языков, причем в большинстве случаев в сопоставлении с уже описанными артиклевými системами — английского, немецкого и других языков — в работе [Juvonen 2006], где анализируются определенные и неопределенные дескрипции на материале нескольких языков и нескольких частей речи — артиклей, числительных и местоимений, в аканском [Arkoh, Matthewson 2013], албанском [Campos 2009], иорданском диалекте арабского языка [Jaber et al. 2022], помакском диалекте болгарского языка, на котором говорят жители региона Греции [Adamou 2011], и прочих языках (причем указанные последние четыре работы в разное время публикуются в одном издании — журнале *Lingua*, что свидетельствует в пользу системного интереса к проблеме артикля именно в данном журнале).

Актуальность работы не в последнюю очередь обуславливается также и высокой частотностью данных единиц, равно как и их значимостью для языка: так, определенный артикль характеризуется как самое распространенное и мощное английское слово по ряду причин. Уже Б. Рассел отмечал в своей известной работе «On Denoting», что фразы, содержащие определенный артикль, безусловно представляются чрезвычайно интересными и сложными («...phrases, containing *the*. These are by far the most interesting and difficult of denoting phrases» [Russel 1905: 481]). Действительно, во-первых, частотность определенного артикля значительно превышает частотность неопределенного согласно данным корпуса современного американского английского языка СОСА: так, определенный артикль *the* неизменно занимает первое место по частотности, за ним следуют глагол *be*, союз *and* и только на четвертом месте находится неопределенный артикль *a*. Данный тезис неизменно получает подтверждение при обращении к языковому материалу — случайно выбранный отрывок текста как из художественной литературы, так и из медийного дискурса содержит число определенных артиклей, превышающее количество неопределенных (мы не принимаем здесь во внимание т. н. нулевые артикли и эквиваленты артиклей — это нуждается в специальном исследовании) — ср., например, отрывки анализируемых текстов (1)–(6) ниже.

Во-вторых, следуя объективному положению дел, в норме индивид существует в уже заданных, хорошо известных и понятных ему обстоятельствах и событиях, в ходе которых и на фоне которых возникают новые обстоятельства. Иными словами, на фоне темы — данного — появляется рема — нечто новое. При этом факторов данности может быть гораздо больше, чем нового, ср., например, высказывание *В данной сложной ситуации при росте числа заболеваний в нашем институте мы приняли решение ввести масочный режим*, где на фоне ряда известных обстоятельств (сложная ситуация, рост числа заболеваний, заданное место действия — институт) вводится информация об одном действии введения масочного режима. Проецируя данную закономерность на соотношение артиклей (= известного, данного *the* vs нового, неизвестного *a*), несмотря на то что категория определенности/неопределенности не сводима к известности/неизвестности (см. об этом ниже), можно ожидать преобладания определенного артикля над неопределенным.

Иными словами, категория определенности, по-видимому, устроена сложнее и нуждается в исследовании, и констатация, что при использовании определенной

дескрипции говорящий предполагает, что реципиент сможет идентифицировать референта («the speaker implies that the recipient should be able to identify the referent» [Juvonen 2006: 484]), оказывается недостаточной без указания на индикаторы типов референции. Ср. также имеющее широкое хождение определение значения определенного артикля через индивидуализацию (в настоящем исследовании это идентификация до уровня индивида): это известный, конкретный предмет, выделяемый из класса однородных [Смирницкий 1959: 380], с чем сложно согласиться, поскольку признак известности не обязательно лежит в основе определенности, что показано в разрабатываемой нами теории (см. ниже).

При этом особый интерес вызывает именно определенный артикль, на котором и будет главным образом сосредоточено внимание данного исследования.

Методологические предпосылки и методика исследования

Принятый в работе методологический подход акцентирует два принципиально значимых для нас представления, которые системно отражены в языке на различных его уровнях.

Принцип неслучайной связи

Во-первых, это теория классов, опора на которую позволяет не только уточнить интерпретацию семантики неопределенного артикля, но и определяет порядок следования определений в атрибутивной группе [Suleimanova, Petrova 2020] и, по всей видимости, может оказаться значимой для описания ряда иных явлений языка. Во-вторых, это принцип неслучайной связи, на котором основана метонимия [Сулейманова, Беклемешева 2009], когда объекту (в широком понимании, включая действия и положения дел) присваивается некоторое имя в силу того, что это имя обозначает обязательный, **неслучайно** связанный с объектом элемент, что позволяет выбранному имени выступать репрезентантом всего события. Например, глагол *to stagger* во фразе *to stagger across the street* представляет описываемое действие через актуализацию сопутствующего действию обстоятельства спотыкаться (двигаться) рывками, оставляя в тени информацию о факте передвижения и тем самым метонимически представляя все действие. Понятно при этом, что между обстоятельством перемещения и самим перемещением существует неслучайная связь, нельзя, например, использовать для описания перемещения «случайный» глагол типа * *to drink / to smell across the street* для описания движения. Именно принцип неслучайной связи, как, в принципе, становится ясно из теории фреймов [Минский 1988], лежит также в основе фреймирования, причем говорящий выстраивает когнитивный фрейм, накладывая его на описываемое событие. Фрейм задает основу инференции на основе принципа неслучайной связи, и, видимо, Д. Н. Шмелев имел в виду именно необходимость выстраивания когнитивной связи говорящим при использовании метонимии, когда говорил о том, что метонимия устроена сложнее, чем метафора [Шмелев 2008] (ср. также: [Panther 1999]).

В силу того, что артикль используется как показатель взаимодействия говорящего с внеязыковой действительностью и оценкой ее элементов как определяющих

тип дескрипции, его описание предполагает выход на высказывание и в целом сложившееся положение дел, что естественным образом требует фреймового подхода и выстраивания когнитивной фреймовой перспективы говорящим.

Теория классов, неопределенный артикль и порядок следования определений в атрибутивной группе

Теория классов обладает высоким экспланаторным потенциалом, поскольку позволяет объяснить процессы концептуализации и языковой категоризации, именно на ней строится интерпретация категории неопределенности.

Эта теория классов хорошо согласуется с теорией артикля — действительно, она обладает высокой объяснительной силой для описания, например, ситуации с использованием неопределенного артикля для референции к, казалось бы, хорошо известному объекту (см. выше).

В рамках теории классов неопределенность трактуется как идентификация объекта до уровня члена класса, что хорошо согласуется с распространенными интерпретациями неопределенного артикля как выполняющей классифицирующую функцию [Смирницкий 1959: 387], причем артикль сохраняет значение единичности, в ряде случаев доминирующее. (Мы полагаем, однако, что формулировка «классифицирующая функция» достаточно размыта, и предпочитаем говорить об идентификации объекта до уровня члена класса, когда объекту предцируют только свойства, общие для всех членов данного класса.) Приписываемое ему иногда значение неизвестности, как представляется, по сути, является следствием признака классифицирования: действительно, вводимые обозначаемые неопределенным артиклем в поле зрения объекты неизвестны адресату в том смысле, что до настоящего момента не были введены в его информационное поле, несмотря на то что, по сути, они вполне ему известны. Как отмечалось в работе [Souleimanova 2015: 203], например, в предложении *My sister Jane came up to us soon after he arrived. She is such a nice girl* хорошо известному говорящему партиципант ситуации представлен как неопределенный в том смысле, что говорящий присваивает ему характеристику члена подкласса милых девушек. Иными словами, объект может быть хорошо известен обоим собеседникам, но при этом может получать все новые и новые классифицирующие характеристики, относящие его к новым подклассам.

Как известно, проблема установления порядка следования определений, например в английском языке, вызывает разночтения: авторы настаивают на различающихся схемах (см. обзор в указанной работе), при этом экспериментирование с атрибутивными группами и предъявление их информантам-носителям языка для оценки их как правильных и неправильных, а также запросы в сетевые порталы показывают вариативность порядка следования определений. Так, можно сказать *healthy nourishing food*, а также *nourishing healthy food* или *old fat lady / fat old lady*, причем порядок следования определений зависит от того, насколько релевантен данный подкласс для говорящего в данных обстоятельствах. Например, фраза *fat old lady* оказывается более частотна, по данным платформы «Гугл», поскольку параметр возраста более значим, практически всеобъемлющ для человека, и для него объективно существует класс пожилых дам, в рамках которых далее он выделяет подкласс тучных представительниц; напротив, в ситуации, например, обсуждения

систем питания и избыточного веса значимым оказывается подкласс тучных дам (менее многочисленный класс), среди которых есть представительницы разного возраста. Таким образом, именно теория классов позволяет задать порядок следования атрибутов и объясняет вариативность следования определений на основе опоры на когнитивный механизм классифицирования внеязыковой действительности.

Категория определенности

Данная категория, как отмечалось выше, устроена сложнее. Как отмечает Дж. Хокинс [Hawkins 1978], для данной категории значимым оказывается принцип, согласно которому определенность связана с выделенностью объекта и приписанием ему уникальных для данной ситуации свойств. Уже Б. Рассел отмечал значимость данного признака, говоря о значении определенного артикля и приписывая ему значение уникальности («*the... involves uniqueness*» [Russel 1905: 481], или индивидуализации [Смирницкий 1959]). Мы полагаем, что говорящий в каждом случае формирует представление о фрейме (Дж. Хокинс использовал термины «контекст» или «ситуация» и не опирался на представление о фрейме) и сообразно его структуре выстраивает референцию к объектам. Обязательным условием Хокинс полагал разделяемое знание (*shared knowledge*), собеседники должны обладать одинаковым знанием о ситуации: например, принадлежать к одному сообществу или оказаться в понятной обоим ситуации: это может быть одно предприятие, одна семья, одна страна или все население земли, разделяющее представление о том, что имеется Вселенная, или луна, обозначению которых всегда сопутствует определенный артикль *the Universe, the Moon*, поскольку они полагаются определенными для всех.

При этом контекст либо задается эксплицитно, например обозначением ключевого элемента (*trigger*), либо осознается собеседниками как данность — например, может идти речь о городе, мэр которого представлен именно определенной дескрипцией, или даже центральный парк, мэрия, центр города; это может быть солнце, небо для всех жителей земного шара, или даже сам земной шар; университетская аудитория предполагает наличие потолка и пола, середины комнаты (изучаемые в школе единицы типа *the floor, the ceiling, the middle of the room* как требующие простого запоминания, без объяснения логики номинации), стола преподавателя и его компьютера, компьютер далее для каждого пользователя предполагает наличие клавиатуры, экрана, порта зарядки и т. д., книга предполагает содержание, оглавление, начало и конец (становится понятным «логика» фраз *the beginning, the end*), наличие сюжета, обложки; страница — верх и низ, университет — наличие ректора, администрации, сайта университета, столовой и др.; человек как физическая сущность предполагает наличие туловища, головы, лба, лица, носа, рта, подбородка, внутренних органов — печени, сердца, желудка и т. д. Все эти «элементы» требуют определенной дескрипции, тогда как неединственные, например палец или рука, могут описываться неопределенной дескрипцией (если дескрипция специально не сужается до подкласса, например *правая или левая рука*). При этом необязательные компоненты сущностей также допускают референцию неопределенной дескрипцией — родинка, ямочка, борода, горб (но если специально ввести

триггер, например *бородач* или *горбун*, обязательные в такой ситуации элементы получают определенную дескрипцию).

Такой подход позволяет адекватно описать ситуации с выделенными слабыми определенными и слабыми неопределенными (*weak definite and weak indefinite*) именными группами в работе [Klein et al. 2013], в которой экспериментально исследуются определенные именные группы, явно не предполагающие уникальности описываемого объекта и для описания которых авторы не прибегают к фреймовому подходу. Авторы выделяют два типа определенности, причисляя к сильной именные группы-обозначения таких объектов, как больница, банк, автобус, радио, к слабой — ферма, концерт, машина, книга. Данные ситуации фактически вполне убедительно описываются в рамках единой целостной теории, и речь идет именно о фреймировании, когда обязательные элементы фрейма существования индивида и получают описание определенной именной группой, тогда как обозначения достаточно «локальных» фреймов (не все участники коммуникативной ситуации без специального триггера, вводящего тему, связаны с фермой или ходят на концерты) обязательно автоматически становятся обязательными элементами фрейма.

Обратим внимание на то, что между элементами таких фреймов наличествует неслучайная связь, которую говорящий устанавливает на основе когнитивной операции в каждом конкретном случае. Сходная когнитивная операция имеет место в метонимических представлениях объектов внеязыковой действительности.

Результаты

Развиваемая в работе теория обладает высоким экспланаторным потенциалом, поскольку позволяет получить непротиворечивые описания условий употребления артикля, не говоря о высоком дидактическом потенциале, оптимизирующем практику преподавания, особенно носителям безартиклевых языков. Рассмотрим объяснительную силу теории на случайной выборке фрагментов из современной английской художественной литературы, романов Дж. Коу «Тесный круг» и Дж. Ланчестера «Столица». Так, в следующем примере описывается семейное утро:

When he wandered into the kitchen (1) early on Sunday morning (three days after the recording (2) of Paul's television triumph) Benjamin found that Frankie was the only other adult (3) to have risen... Frankie herself was attempting to drink some coffee but every time the cup (4) got anywhere near her lips the baby's giggling (5) would upset it [Coe 2008: 77]. «Войдя на кухню ранним воскресным утром (через три дня после трансляции по телевидению блестящей речи Пола), Бенджамин обнаружил, что Фрэнки единственная из всех взрослых уже была на ногах... Фрэнки пыталась спокойно попить кофе, но всякий раз, как только она подносила чашку ко рту, хихиканье малыша останавливало ее».

В первом случае употребления артикля (1) имеет место либо анафора, если помещение кухни упоминалось ранее (возможно, за несколько страниц до данного фрагмента, и тогда все же не имеет смысла говорить об анафоре), либо включено во фрейм домашнего существования и составляет неотъемлемый компонент ситуации, причем из контекста ясна также единственность объекта; ср. также случаи (2), (4) и (5) (о наличии ребенка известно из предыдущего изложения, где есть несколько упоминаний о его существовании); случай (3) представляет постпозитивное рестриктивное употребление, усиленное определением *the only*. (Обратим внимание

на то, что в данном случае ни разу не использован неопределенный артикль, который, как мы отмечали выше, показывает значительно более низкую частотность.)

В следующем примере при описании дома:

She jestered towards the downstairs sitting room (1), which ran the length (2) of the house (3) and ended in a conservatory (4) twice the size (5) of Benjamin's back garden [Coe 2008: 90]. «Она махнула рукой в сторону гостиной на первом этаже, которая простиралась во всю длину дома и заканчивалась теплицей, размером в два раза больше, чем задний двор дома Бенджамина».

Случаи употребления в этом примере артикля (1)–(4) также определяются референцией к обязательным заданным элементам фрейма «дом» (сам дом задан в предыдущем контексте, его неотъемлемым параметром является его длина, в нем есть гостиная, размер двора — также неотъемлемый параметр английского загородного дома). Вместе с тем, случаи (2) и (5) допускают также опору на постпозитивные рестриктивные определения. Артикль (4) описывает элемент домовладения (теплицу), который не является обязательным, и потому автор вводит его в общую картину, показывая, к классу каких объектов он относится, что и определяет использование неопределенного артикля. (Снова специально обратим внимание на его низкую частотность по сравнению с определенным артиклем.)

Следующее высказывание специально ориентировано на введение в круг обсуждения новых сущностей — герой покупает капучино, шоколадное печенье и мокко, что и определяет использование неопределенного артикля при обозначении данных объектов. Следует отметить, что ряд предикатов специально ориентирован на введение в рассмотрение новых объектов — прежде всего это глаголы обладания, приобретения — причем различными путями: *купить, найти, иметь, располагаться* и мн. др., семантика которых обуславливает использование именно неопределенного, и в этом смысле классифицирующего, артикля. Единственный в данном случае определенный артикль объясняется референцией к ситуации ожидания, предполагающей обозначение времени ожидания:

Benjamin arrived first, inevitably. He bought himself a cappuccino and a pain au chocolat, and a large mocca for Malvina... He was ten minutes early; she was fifteen minutes late. He filled in the time by reading [Coe 2008: 101]. «Бенджамин в итоге приехал первым. Он купил себе капучино и булочку с шоколадом и большой мокко для Малвины... Он приехал за десять минут до назначенного времени, она опаздывала на пятнадцать. Он коротал время за чтением».

Рассмотрим еще один пример:

Paul locked the car and walked the sandy path down to the beach. ... his eyes were drawn to distant trawlers he could see silhouetted on the horizon, while he listened only to the wash of waves against the shore... walking north along the beach, Paul could already discern the outline of the house where they had once stayed. ... wanting more than anything else to savour this moment, he swore under his breast when the double beeping of his mobile announced the arrival of a text message [Coe 2008: 149–150]. «Пол закрыл машину и пошел по песчаной дорожке вниз к пляжу. ...взгляд его был прикован к баржам, силуэты которых выри-

совывались на горизонте, и слушал он только плеск волн о берег... идя вдоль пляжа на север, Пол уже мог разглядеть очертания дома, где они как-то раз останавливались... Больше всего желая прочувствовать этот момент, он тихо выругался, когда раздался звук его мобильного телефона, сигнализируя о новом сообщении».

В этом примере из 11 определенных артиклей восемь связаны с описанием фрейма, два — с опорой на постпозитивные определения — *the house where they had once stayed*, *the double beeping of his mobile* (в принципе, в последнем случае можно опираться также на обязательный компонент ситуации работы телефона — его звучание); именная группа с неопределенным артиклем вводит в пространство героя новый объект — сообщение.

Ср. также следующий фрагмент:

Minutes of The Closed Circle

The purpose of The Closed Circle, Mr TROTTER maintained, was to support the work of the Commission, not to undermine or circumvent it. Nonetheless, the six members of the CIRCLE had been chosen from the eighteen members of the Commission for a specific reason. The Commission was essentially a public body, whose membership details were in the public domain and whose proceedings were being documented by the press.

...the aim of the CIRCLE... was to create... [Coe 2008: 204–205]

«Протокол заседания Узкого круга

Целью Узкого круга, продолжал г-н Троттер, была поддержка работы комиссии, а не создание препятствий к ее работе или попытка как-то обойти ее. Тем не менее из восемнадцати членов комиссии было выбрано шесть, по определенной причине. Комиссия была в значительной степени общественная организация, членство в которой открыто обсуждалось и чьи материалы публиковались в прессе.

Целью комиссии... было создать...»

В данном фрагменте обратим внимание на неопределенные артикли, вводящие представителей новых классов объектов — *a specific reason* и *a public body*; можно обратить внимание также на более широкий фрейм, пространство которого включает широкую совокупность лиц, знакомых с прессой, которая поэтому и обозначена именной группой с неопределенным артиклем. Все остальные случаи вполне адекватно описываются фреймовой семантикой, которая, похоже, доминирует в данных когнитивных процессах детерминирования категории определенности.

The drawing room, bedroom, and staircase were all fine, apart from the faint smell of sickness and disinfectant which Mary only now noticed when she stepped back into the house from having a ciggie in the garden. Today's task would be the kitchen, which was a dream of modernity and convenience from the fifties. ...she got out the mops and brushes and ran a bucket of warm water and set to. The water turned grey and so did the linoleum, as it always did at first [Lanchester 2012: 270]. «В гостиной, спальне и на лестнице все было нормально, за исключением легкого запаха болезни и дезинфекции, который Мэри ощутила, только когда шагнула обратно в дом, выкурив в саду сигаретку. Сегодня надо разобраться с кухней, которая в свое время в пятидесятые годы была просто верхом современности и удобств. ...она вытащила швабры и щетки, наполнила ведро теплой водой и приступила к делу. Вода быстро потемнела, как и линолеум, как это всегда бывает в начале».

В данном отрывке внимание привлекает референция к периоду 1950-х гг., которые представляют обозначение уникального периода в истории, и потому все такие периоды получают обозначение с помощью определенной дескрипции. Остальные случаи употребления в значительной степени согласуются с описанными выше, как и в следующем фрагменте текста.

Freddy seemed calmer after the team meeting. Patrick noticed and resisted the temptation to ask him what had been said. They potted around a bit, then headed downstairs to get in the coach. Because Freddy was the team's only legal minor, Patrick was the only relative to travel to games with the team on match days; this often felt like a privilege, but today it was a form of torture [Lanchester 2012: 311]. «После собрания команды Фредди выглядел спокойнее. Патрик заметил это и с трудом удержался от искушения спросить, о чем они говорили. Они немного побродили по залу, потом направились к выходу и затем к автобусу. Так как Фредди был единственным несовершеннолетним в команде, Патрик был единственным родственником, который ездил на игры в дни матчей. Часто это воспринималось как привилегия, но сегодня это было просто пыткой».

Таким образом, разрабатываемая в работе теория артикля позволила убедительно и однозначно описать случаи использования определенного и неопределенного артиклей и показывает высокий экспланаторный потенциал.

Дискуссия

Исследование показало в первую очередь существование некоторых общих когнитивных принципов, определяющих выбор говорящим языковых единиц для описания данной денотативной ситуации, а именно: это принцип неслучайной связи, позволяющий говорящему выстраивать метонимическое представление денотативной ситуации. Именно наличие неслучайной связи позволяет репрезентировать некое событие/объект через обозначение какого-либо свойства, например, говоря *Он проковылял через площадь*, говорящий выбирает в качестве репрезентанта ситуации перемещения через площадь некую характеристику, сопутствующую перемещению, «задвигая» информацию о перемещении как таковым. Профилируется характеристика, обстоятельство перемещения, которое тем не менее неслучайно связано с событием перемещения — данный глагол нельзя, например, использовать для описания иных процессов. Скажем, невозможно описать прием пищи или чтение — **он проковылял через книгу* или **он проковылял через суп*.

То есть метонимия основана на выявлении неслучайной связи, которую говорящий должен установить. И в этом смысле следует согласиться с Д. Н. Шмелевым [Шмелев 2008] и авторами основополагающей работы [Panther 1999] в том, что метонимия устроена сложнее, чем, например, метафора, поскольку в каждом случае употребления метонимии говорящий осуществляет когнитивную операцию установления таких связей между объектами. Тот же принцип неслучайной связи оказывается основой формирования фрейма, что в свою очередь определяет использование определенного артикля, употребление которого зависит от роли описываемого объекта или процесса в общем фрейме. Как представляется, экспланаторный потенциал данной теории нуждается в специальном фреймовом исследовании на

материале абстрактной лексики: например, в словосочетаниях *the end of the story*, *the origin of the approach*, *the philosophy of the project/language* определенный артикль предшествует обозначениям обязательных элементов соответствующих фреймов истории, подхода, проекта и даже языка. Можно предположить, что в случае с абстрактной лексикой значительную роль будет также играть постпозитивное рестриктивное определение, однако эта гипотеза нуждается в верификации.

Далее, для когнитивных процессов значимым оказывается также теория классов, которая обладает высокой объяснительной силой для описания употребления неопределенного артикля в артиклевых языках и — шире — для категоризации неопределенности в языке, с одной стороны, а с другой стороны, для описания порядка следования определений в атрибутивной группе, который в значительной степени, как показано в работе [Suleimanova, Petrova 2020], определяется именно релевантностью некоторого класса для языкового сообщества.

Выводы

В работе выстроены корреляции ряда принципов, а именно: постулируется принцип неслучайной связи как основа метонимических номинаций, а также выстраивания когнитивного фрейма, что позволяет далее выстроить систему использования определенного артикля как позволяющего осуществить референцию к объектам и процессам внеязыковой действительности, приписывая им определенность через выделение объекта как единственного, неслучайного в данной коммуникативной ситуации.

Анализ эмпирического материала на основе разрабатываемой теории показал ее высокую объяснительную силу и позволил сделать ряд значимых для интерпретации категории определенности выводов. При этом отмечается более высокая частотность определенных дескрипций, определяемая логикой коммуникации и конструирования дискурса как развернутой тематической информации, на фоне которой разворачивается некоторое новое событие (в широком смысле). Представляется перспективным исследовать определенные дескрипции, осуществляющие референцию к абстрактным сущностям.

Неопределенность встраивается в теорию классов, которая обладает также объяснительной силой и для определения порядка следования определений в атрибутивной цепочке.

Дидактический потенциал теории нуждается в экспликации и обосновании на материале различных видов лексики. В качестве перспективы исследования видится также проведение исследования «поведения» артиклей в иных артиклевых языках, что позволит глубже проникнуть в когнитивный механизм, лежащий в основе категории определенности, и уточнить интерпретацию когнитивных процессов, лежащих в основе реализации категории определенности/неопределенности.

Автор выражает глубокую благодарность доценту кафедры языкознания и переводоведения института иностранных языков Московского городского педагогического университета А. А. Водяницкой за стимулирующую дискуссию и неоценимую помощь в подготовке статьи к печати.

Источники

- Coe 2008 — Coe J. *The Closed Circle*. London: Penguin Books, 2008.
Lanchester 2012 — Lanchester J. *Capital*. London: Faber and Faber, 2012.

Словари и справочная литература

- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
Crystal 2010 — Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Литература

- Будовская 2009 — Будовская Н. Е. Система английских артиклей как объект когнитивного исследования. *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2009, (4): 94–97.
- Долгина 2008 — Долгина Е. А. Категория артикля в английском языке: методы исследования. *Вестник Челябинского государственного университета*. Филология и искусствоведение. 2008, (27): 45–51.
- Долгина 2018 — Долгина Е. А. *Структура «артикль + существительное» в английском языке как полифункциональное явление*. М.: Флинта, 2018.
- Касаткина 2012 — Касаткина Р. Ф. Русский язык ищет артикль. *Вопросы языкознания*. 2012, (2): 3–9.
- Макарова 2022 — Макарова С. А. *Функционирование структуры «определенный артикль + существительное» в составе не прямой анафорической референции в англоязычном дискурсе (на материале художественной литературы и лингвистической литературы)*. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.
- Минский 1988 — Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного. *Новое в зарубежной лингвистике*. 1988, (XXIII): 281–309.
- Смирницкий 1959 — Смирницкий А. И. *Морфология английского языка*. М: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959.
- Сулейманова 1985 — Сулейманова О. А. Местоименные актуализаторы весь и целый в современном русском языке. *Научные доклады высшей школы. Филологические науки*. 1985, (4): 78–82.
- Сулейманова, Беклемешева 2009 — Сулейманова О. А., Беклемешева Н. Н. Основы языковой категоризации: пространство, время, причинность и принцип неслучайной связи. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2009, (3): 87–92.
- Сулейманова, Яременко 2020 — Сулейманова О. А., Яременко В. И. Теория артикля в когнитивной перспективе: дидактический аспект. В сб.: *Когнитивные исследования языка. Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования*. 2020, 2 (41): 324–328.
- Филиппова 2018 — Филиппова А. В. Когнитивный подход в изучении стилистических функций артиклей в английском языке. В сб.: *Идеи. Поиски. Решения: сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов*. Минск, 2018. С. 80–84.
- Шмелев 2008 — Шмелев Д. Н. *Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка)*. М.: ЛКИ, 2008.
- Adamou 2011 — Adamou E. Temporal uses of definite articles and demonstratives in Pomak (Slavic, Greece). *Lingua*. 2011, (21): 871–889.
- Arkoh, Matthewson 2013 — Arkoh R., Matthewson L. A familiar definite article in Akan. *Lingua*. 2013, (123): 1–30.
- Campos 2009 — Campos H. Some notes on adjectival articles in Albanian. *Lingua*. 2009, (19): 1009–1034.
- Hawkins 1978 — Hawkins J. *Definiteness and Indefiniteness: A Study in Reference and Grammaticality Prediction*. London: Routledge, 1978.
- Jaber et al. 2022 — Jaber A., Al-Momani R., Omari O. Form-function mismatches: The semantics of the definite article in Jordanian Arabic. *Lingua*. 2022, (266): 103–169.

- Juvonen 2006 — Juvonen P. Articles Definite and Indefinite. In: *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 2nd ed. Elsevier, 2006, P. 484–487.
- Klein et al. 2013 — Klein N. M., Gegg-Harrison W. M., Tanenhaus M. K. Experimental investigation of weak definite and weak indefinite noun phrase. *Cognition*. 2013, 28 (2): 187–213.
- Panther 1999 — *Metonymy in Language and Thought*. Panther K.-U. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Publishing, 1999.
- Russel 1905 — Russel B. On Denoting. *Mind*. 1905, 14 (56): 479–493.
- Souleimanova 2015 — Souleimanova O. A. Category of definiteness/indefiniteness in didactic perspective. *Педагогический журнал Башкортостана*. 2015, 1 (56): 203–209.
- Suleimanova, Petrova 2020 — Suleimanova O. A., Petrova I. M. Using big data experiments in cognitive and linguo-cultural research in English and Russian *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2020, 13 (3): 392–400.

Статья поступила в редакцию 20 августа 2022 г.
Статья рекомендована к печати 3 февраля 2023 г.

Olga A. Suleimanova

Moscow City University,
4, 2-oi Selskokhozyastvenny proezd, Moscow, 129226, Russia
SouleimanovaOA@mgpu.ru

Category of definiteness in cognitive framing in the use of English definite article

For citation: Suleimanova O. A. Category of definiteness in cognitive framing in the use of English definite article. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2023, 20 (2): 334–347. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.208> (In Russian)

The paper focuses on English articles which are treated as the main means of definite/indefinite reference; and defines cognitive principles which govern usage of articles. Research methodology relies on the theory of classes, its explanatory potential is analyzed as regards the meaning and usage of the indefinite article as well as the word order in the attributive group which features more than one attribute. The research also relies on the frame approach which governs the usage of the definite article. The frame is treated in terms of the non-random link (binding, bond) between the object referred to and the frame, the frame approach being also instrumental in defining metonymical transfers. Definiteness is defined by the author as the result of the speaker's cognitive operation to assign the object some "unique" — under given circumstances — features which distinguish it from other objects (of the same class of objects). Such distinction is performed by a variety of linguistic means, such as anaphora, restrictive post-modifying attributes (cataphora), using cardinal numbers, superlative-degree adjectives, and using triggers (words or general context, in other words, a frame) which oblige the speaker to refer to the inalienable element of the frame, which is a singular object in the frame, with the definite article, without any prior mentioning it, or any other above modifier.

Keywords: definiteness, indefiniteness, article, frame, trigger.

References

- Будовская 2009 — Budovskaia N. E. The system of English articles as an object of cognitive research. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2009, (4): 94–97. (In Russian)
- Долгина 2008 — Dolgina E. A. Category of the article in English: Research methods. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie*. 2008, (27): 45–51. (In Russian)

- Долгина 2018 — Dolgina E. A. *The structure “article + noun” in English as a polyfunctional phenomenon*. Moscow: Flinta Publ., 2018. (In Russian)
- Касаткина 2012 — Kasatkina R. F. Search article in Russian language. *Voprosy iazykoznanii*. 2012, (2): 3–9. (In Russian)
- Макарова 2022 — Макарова С. А. *The functioning of the structure “definite article + noun” as part of an indirect anaphoric reference in the English discourse (on the example of fiction and linguistic literature)*. Thesis for PhD in Philological Sciences. Moscow, 2022. (In Russian)
- Минский 1988 — Minsky M. Wit and logic of the cognitive unconscious. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. 1988, (XXIII): 281–309. (In Russian)
- Смирницкий 1959 — Smirnitsky A. I. *Morphology of the English language*. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh Publ., 1959. (In Russian)
- Судейманова 1985 — Suleimanova O. A. Pronominal actualizers whole and whole in modern Russian. *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki*. 1985, (4): 78–82. (In Russian)
- Судейманова, Беклемешева 2009 — Suleymanova O. A., Beklemesheva N. N. Basics of language categorization: Space, time, causality and the principle of non-random connection. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009, (3): 87–92. (In Russian)
- Судейманова, Яременко 2020 — Suleymanova O. A., Yaremenko V. I. The theory of the article in a cognitive perspective: Didactic aspect. In: *Kognitivnye issledovaniia iazyka. Kognitivno-diskursivnaia paradigma v lingvistike i smezhnykh naukakh: Sovremennye problemy i metodologiia issledovaniia*. 2020, 2 (41): 324–328. (In Russian)
- Филиппова 2018 — Filippova A. V. Cognitive approach in the study of the stylistic functions of articles in English. In: *Idei. Poiski. Resheniia: sbornik statei XII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, aspirantov, magistrantov, studentov*. Minsk, 2018. P. 80–84. (In Russian)
- Шмелев 2008 — Shmelev D. N. *Problems of semantic analysis of vocabulary (based on the Russian language)*. Moscow: LKI Publ., 2008. (In Russian)
- Adamou 2011 — Adamou E. Temporal uses of definite articles and demonstratives in Pomak (Slavic, Greece). *Lingua*. 2011, (21): 871–889.
- Arkoh, Matthewson 2013 — Arkoh R., Matthewson L. A familiar definite article in Akan. *Lingua*. 2013, (123): 1–30.
- Campos 2009 — Campos H. Some notes on adjectival articles in Albanian. *Lingua*. 2009, (19): 1009–1034.
- Hawkins 1978 — Hawkins J. *Definiteness and Indefiniteness: A Study in Reference and Grammaticality Prediction*. London: Routledge, 1978.
- Jaber et al. 2022 — Jaber A., Al-Momani R., Omari O. Form-function mismatches: The semantics of the definite article in Jordanian Arabic. *Lingua*. 2022, (266): 103–169.
- Juvonen 2006 — Juvonen P. Articles Definite and Indefinite. In: *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 2nd ed. Elsevier, 2006, P. 484–487.
- Klein et al. 2013 — Klein N. M., Gegg-Harrison W. M., Tanenhaus M. K. Experimental investigation of weak definite and weak indefinite noun phrase. *Cognition*. 2013, 28 (2): 187–213.
- Panther 1999 — *Metonymy in Language and Thought*. Panther K.-U. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Publishing, 1999.
- Russel 1905 — Russel B. On Denoting. *Mind*. 1905, 14 (56): 479–493.
- Souleimanova 2015 — Souleimanova O. A. Category of definiteness/indefiniteness in didactic perspective. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana*. 2015, 1 (56): 203–209.
- Suleimanova, Petrova 2020 — Suleimanova O. A., Petrova I. M. Using big data experiments in cognitive and linguo-cultural research in English and Russian. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2020, 13 (3): 392–400.

Received: August 20, 2022
Accepted: February 3, 2023